

Эпические мотивы Малодербетовского цикла эпоса «Джангар»*

Научная новизна. Мотивы Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» впервые рассматриваются как одно из слагаемых эпического сюжета, строящегося по единой модели: 1) героическая коллизия; 2) выбор/самовыбор богатыря (отправление в поход); 3) преодоление пути (претерпевание препятствий); 4) героический подвиг; 5) восстановление мира.

Цель и задачи. В статье рассматриваются сюжетобразующие мотивы песни «Күрл Эрднь маңһс хааг богд Жаңһр дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил») Малодербетовского цикла «Джангара» с целью выявления и анализа повествовательных единиц мотива в их сюжетной последовательности.

Методы исследования. При анализе эпических мотивов применяется сравнительный, сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что сюжетобразующие мотивы, являясь частью повествовательной структуры, предстают в виде предикативной конструкции, имеющей свою последовательность, где каждый комплекс мотивов имеет нерасторжимую связь между собой. Так, мотив угона табуна, представляющий конфликтную ситуацию, повлек за собой самовыбор богатыря, отправление его в боевой поход, в котором герою предстояло преодолеть препятствия в пути, совершить героический подвиг, вступив в единоборство с противником потерпеть неудачу и быть плененным в верхнем мире, вступить в единоборство с ханом-антагонистом и одержать победу, уничтожить змея-поглотителя, с помощью мифической птицы спуститься из верхнего мира, испытать приключения в маске плешивого героя и вернуться в бумбайскую страну.

Ключевые слова: эпос «Джангар», Малодербетовский цикл, песнь, мотив, герой, богатырь, мангас, верхний мир

I. Введение. Калмыцкий героический эпос «Джангар» является величайшим достоянием духовной культуры калмыцкого народа, вершиной его эпического творчества, традиции которого развивались и сохранялись из века в век. Эпос «Джангар», пройдя многовековой путь стадийного развития, стал циклическим эпосом, объединившим группу песен-поэм вокруг единого героя – Джангара. В настоящее время в джангароведении известны следующие циклы и эпические репертуары: Малодербетовский цикл (запись 1862 г.), включающий три песни-поэмы; Багацохуровский цикл (1853–1862 гг.) – 3 песни; эпический репертуар рапсода Ээлян Овлы (1908 г.) – 10 песен; эпический репертуар джангарчи Давы Шавалиева (1939 г.) – 4 песни; эпиче-

ский репертуар сказителя Насанки Балдырова (1966 г.) – 1 песнь-поэма; эпический репертуар сказителя Бадмы Обушинова (1901 г.) – 1 песнь-поэма; эпический репертуар джангарчи Телтя Лиджиева (1970 г.) – 10 песен.

Целью настоящего исследования является выявление и анализ повествовательных единиц мотива в песне «Күрл Эрднь маңһс хааг богд Жаңһр дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил») Малодербетовского цикла «Джангара». При анализе эпических мотивов применяется сравнительный, сравнительно-сопоставительный методы.

II. Материалы и методы. Материалом исследования является Малодербетовский цикл

*Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

калмыцкого героического эпоса «Джангар», записанный в 1862 г. на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»). Рукопись песен хранится в рукописном фонде библиотеки Санкт-Петербургского университета и имеет название на обложке: «Джангара (список М[ало] дербетовского улуса)» [РО БВФ СПбГУ. Сalm. С 4]. Малодербетовский цикл калмыцкого героического эпоса «Джангар», состоящий из трех песен: 1. «Ут Цаһан манһсиг богд Жаһһр дөрэцүлгсн бөлг» ('Песнь о том, как богдо Джангар мангаса Уту Цагана покорил'); 2. «Күрл Эрднь манһс хааг богд Жаһһр дөрэцүлгсн бөлг» ('Песнь о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил'); 3. «Догшн Шар Гүргү манһс хааг дуут Улан Шовшур дөрэцүлгсн бөлг» ('Песнь о том, как прославленный Улан Шовшур хана мангасов Свирепого Шара Гюргю покорил'), является одним из ранних по времени бытования и фиксации (1862 г.), а также одним из архаичных, поскольку в нем сохранились мифологические мотивы. Эпические песни Малодербетовского цикла отличаются внутренним сюжетным единством и повествуют о героических подвигах Джангара и его богатырей в борьбе с противниками Бумбы. При анализе эпических мотивов применяется сравнительный, сравнительно-сопоставительный методы.

III. Результаты. Песни Малодербетовского цикла «Джангара» строятся по единой модели эпического сюжета и включают в себя ряд сюжетобразующих мотивов, имеющих следующую устойчивую последовательность:

1. Героическая коллизия
2. Выбор/самовыбор богатыря (отправление в поход)
3. Преодоление пути (претерпевание препятствий)
4. Героический подвиг
5. Восстановление мира

Рассмотрим мотивы песни «Күрл Эрднь манһс хааг богд Жаһһр дөрэцүлгсн бөлг» в их сюжетной последовательности.

1. Героическая коллизия
- 1.1. Мотив угона табуна

Завязкой сюжета песни служит сообщение табунщика Шара Мангаса об исчезновении табуна. Мотив угона табуна, разработанный в эпо-

се «Джангар», являет собой конфликтную ситуацию. Число угоняемых коней в песнях «Джангара» дается гиперболизировано, так, в песне «Кюрюл Эрдени» неизвестный похититель угоняет семидесятитысячный табун кобылиц, возглавляемый рыжим жеребцом [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 174–175].

Мотив угона табуна, являясь одним из распространенных, присутствует в разных циклах и эпических репертуарах «Джангара»: в песне «Догшн Замбл хаана Һалзу долан бодннгиг Аср Улан Хоһһр Күнд Һарта Савр хойр дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как Улан Хонгор Могучий и Тяжелорукий Савар одолели семерых неукротимых вепрей[-богатырей] Свирепого Замбал-Хана») Багацохуровского цикла, где «второй ход сюжета посвящен похищению и возвращению девятидесяти тысяч табуна Джангар-хана» [Убушиева, 2019, 66], встречается также в песне «Ке шар цоохр мөртэ Келмэн көвүн Моңхуяла дээлдгсн бөлг» («Песнь о поединке [Джангара и его богатырей] с Монхуля, сыном Кермина, владеющим красивым соловом-чубарым конем») сказителя Давы Шавалиева и в «Песне о том, как Мингъян пригнал Джангару табун золотисто-рыжих скакунов Тюрк Алтан хана» джангарчи Телтя Лиджиева¹.

2. Выбор / самовыбор богатыря (отправление в поход).

Из рассказа Джангара становится ясно, что угон табуна связан с давно произошедшими событиями: «— В начале ранних времён, / Когда [мир] безлюдной пустыней был, / Семь стран нижнего мира / Вере [и власти] своей я подчинил, / Скакун мой был изнурён, / Силы покинули меня, / И я возвращался домой. / Когда ехал я, / С сорока четырьмя головами / Огромный чёрный мус повстречался. / Сорок его голов снеся, / считающуюся нежной печень его / Вырвав, / На резвом Зерде / Уходить я стал. / Тот мус, когда / Душа покидала его [крикнуть успел]: / «Узюнга единственный [сын] Джангар, / За это тебе / Сполна я отомщу!» — так / Он крикнул, / И душа его отлетела. / Кто знает, где после он переродился!» [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 177].

Похищенный табун должен быть незамедлительно возвращен в бумбайскую страну, поэто-

¹Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи эпических песен репертуара Телтя Лиджиева.

му Джангар с богатырями немедленно отправляются в погоню за антагонистом.

3. Преодоление пути (претерпевание препятствий).

3.1. Эмоциональное состояние (страх) богатыря.

В погоне за угнанным табуном Джангар прибывает на пограничье. Визуализируясь на гору Цаган, герой обозревает местность и видит, как четыре бирмена пригнали на водопой его табун, а на расстоянии полета стрелы могущественный Кюрюл Эрдени-хан в одиночестве едет. Увидев хана-антагониста, Джангар испытывает одну из сильнейших эмоций — страх, который является реакцией на внешнюю угрозу в лице Кюрюл Эрдени. Проведя в страхе двенадцать суток, герой не решается на действия. Только возмущение и негодование прибывшего Хонгора способствовали внутренней перемене героя:

Дотадын долан түмн сүрэ дөгэд, / Хазадын нэгмн түмн сүрэ бульглад, / Зеерд деерэн харв. / Зеерд адунн мөрт орад жиһнв. (Внутренних семьдесят тысяч вдохновений испытал, / Внешних восемьдесят тысяч воодушевлений испытал, / На Зерде своего вскочив, / По следу табуна из рыжих [коней] он помчался) [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 186–187].

Воодушевленный Хонгором Джангар, нагнав врага, с боевым кличем вступает в единоборство с Кюрюл Эрдени-ханом.

4. Героический подвиг.

4.1. Единоборство богатыря

Поединок богатыря изображается по той же схеме, что и в первой песне цикла: богатыри попеременно наносят друг другу удары, схватка продолжается богатырской плетью, затем Джангар, пронзив острием, на копье поднимает хана-антагониста, но оружие не выдержало и переломилось. Кюрюл Эрдени-хан, увидев, какая мощная подмога подошла к Джангару, превращается в Хана Гаруду и уносит героя на небо.

4.2. Пребывание в героя в верхнем мире.

4.2.1. Испытание героя.

Верхний мир по представлениям предков калмыков «ничем не отличается от окружающего рапсодов мира: те же юрты, та же «казахская» телега, арба-двуколка, тот же хан-феодал, каких немало встречали как в ойратском мире, так и за его пределами, в виде его врагов; домашние и дикие животные — как и на земле» [Кичиков, 1976: 74].

В верхнем мире плененный ханом-антагонистом Джангар подвергается адским мукам: «С человеческое туловище [толщиной] / Из крепкой стали [цепью] к огромной, железом обитой телеге приковав, / Восемью тысяч ударов они наносили, / Восемь тысяч раз калёным железом жгли его, / В каждое мгновение двенадцати преисподних нестерпимые муки / Джангар испытывал» [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 193]. Испытания, которые проходит герой, раскрывают его богатырские качества, Джангар терпит адские муки, ради достижения своей цели — уничтожения врага Бумбы — мангаса Кюрюл Эрдени.

4.2.2. Мотив «внешней души».

Мангас — персонаж антропоморфный, «полностью уподобляясь «человеческому» противнику — в героических песнях, складывающихся в эпоху феодальных войн (XIV–XVII вв.), он становится подобен богатому кочевнику или феодальному владыке» [Неклюдов, 2019: 108]. Рассматриваемый персонаж мангас-оборотень Кюрюл Эрдени первоначально был сорокачетырёхголовым кривым черным мусом, с которым Джангар «В начале ранних времён, / Когда [мир] безлюдной пустыней был» встретившись, расправился с ним «Сорок его голов снеся, / считающуюся нежной печень его / Вырвав», теперь мангас, движимый местью, «Узюнга единственный [сын] Джангар, / За это тебе / Сполна я отомщу!» [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 177], приняв человеческий облик, пленил героя и подверг адским мукам. Чтобы уничтожить мангаса Кюрюл Эрдени, Джангару необходимо истребить его «внешнюю душу».

Мотив «внешней души» является одним из архаичных мотивов, относящихся к числу «важнейших образов мифологического мышления» [Неклюдов, 1975: 65]. «Отделение души от тела есть смерть. Но: отделение души от тела и изолированное хранение ее есть бессмертие» [Неклюдов, 1975: 65]. Душа может размещаться в самых разных посторонних предметах. С.Ю. Неклюдов приводит два ассоциативных ряда: 1) *душа — жизнь — судьба — удача — счастье*; 2) *душа — источник жизни — жизненная сила — сила богатырская — сила «духовная» (потусторонняя, сверхъестественная, колдовская; магические и мантические способности,*

тайное знание, мудрость, хитрость) [Неклюдов, 1975: 65].

Душа хана-антагониста Кюрюл Эрдени размещается в «универсальном космическом символе верха» [Неклюдов, 2019: 125] – семи птенцах, которые находятся в чреве маралихи. Младшая хатун Кюрюл Эрдени-хана – дочь Солнца, освободившая пленника Джангара из оков и указавшая ему место нахождения души хана-оборотня, выполняет функцию помощника героя. Джангар не желает принять свободу из рук женщины, тогда дочь Солнца раскрывает причину, побудившую ее помочь герою: «Я дочерью Солнца была, / Когда я, резвясь, цветы здесь собирала, / Меня сорокачетырехголовый / Кривой чёрный мус / Проглотил. / Вы этому мусу / Сорок голов снесли, / Считающуюся нежной печень его вырвали. / Чрево того муса покинув, / Вновь солнце увидела я, за это вам благодарна я» [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 203].

Джангар, добыв птенцов из печени маралихи, шестерых огню предает, и, засунув седьмого под набойку сапога, отправляется к мангасу. В архаическом эпосе плохое самочувствие мангаса ассоциируется с приближением его смерти. Также и в рассматриваемом мотиве недомогание Кюрюл Эрдени связано с его последним поединком:

«Джангара / За полы [беимета] схватив, / Оземь стал бить его, без устали бил его / Когда так бил его, [спрятанный] / В правом сапоге, под набойкой, / Детёныш раздавленным оказался. / Кюрюла Эрдени / Крепкая красная аорта оборвалась, / У семидесяти рек росший лес повалив, он упал, / Для бесчисленных рыб морских приманкой он стал» [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 205].

Могущественный враг Бумбы Кюрюл Эрдени-хан уничтожен. Герой ищет способ спуститься из верхнего мира на землю.

4.2.3. Мотив змееборства

Как известно, змей – один из популярных персонажей народных сказок. В различных национальных традициях имеются многочисленные вариации его образа, достаточно полные и интересные для рассмотрения, выявления отличительных черт и создания собирательного образа отрицательного героя народной сказки.

По мнению А.Н. Афанасьева, змей является олицетворением молнии и тучи, пламени и яда;

змеиная кровь – дождь; конь его и крылья – вихри; свист – вой бури; стрелы и палица – молнии. В некоторых сказочных сюжетах змей – похититель небесных светил и хранитель драгоценных кладов, змей – оберегатель живой воды и творец дождевых потоков, змей – виновник бездождия и засухи, змей – похититель и любовник красавиц, пожиратель дев [Афанасьев, 1865: 259–321]. Значимость образа змея объясняется тесной связью со многими основными религиозными представлениями славян. Поверья приписывают Змею демонические свойства, богатырскую силу, умение менять свой облик, обладание несметными богатствами и живой водой, знание целебных трав.

В калмыцком фольклоре, как и в фольклоре других народов, образ змея может быть как положительным, так и отрицательным. В древнее время змей был почитаем как тотемное животное, позднее он трансформировался в образ, олицетворяющий тотемные, грозные силы природы, а затем и в угнетателя, насильника, врага.

Т.Г. Басанговой рассмотрен образ змеи в калмыцком фольклоре, по мнению исследователя: «В мифологии калмыков образ змеи занимает особое место. Суеверные калмыки считали, что змеи бывают нескольких видов – это змея с двумя головами и рогатая змея. Среди калмыков существовал обряд выпрашивания рогов у змеи: нужно было сесть перед ползущей змеей и расстелить белый платок, и тогда змея, сбросив рога на белый платок, ползет дальше. Калмыки считали, что эти рога бывают золотого или серебряного цвета. Встреча со змеей носит у калмыков знаковый характер» [Басангова, 2014].

В мифологии калмыков сохранились народные представления о змее: «В давние времена змеи почитались также, как и бурханы. Змей и лягушек не убивали – соблюдали табу. «Убить одну лягушку всё равно что убить семерых гелюнгов», – говорили [калмыки]. Если в дом заползала змея, её не убивали, подманивая молоком, заставляли покинуть дом или, помазав ей голову маслом, отпускали. Души предков, воплотившись в змею, приходили посмотреть, как мы живем, – так говорили. Есть и змеи с рогом. Только не каждому дано увидеть их. Если такая змея встретится, надо перед этой змеей расстелить белый платок и, по обычаю, поклонившись, забрать себе рог, который она скинет. Че-

ловец, взявший змеиный рог, способен лечить и исцелять людей. Доводилось также слышать, что у змей есть ноги. Человек, увидевший ноги змеи, долго не живет. Если пришло время человеку принять определенный дар – стать шаманом или начать лечить людей, ему снятся змеи» [Мифы, легенды и предания калмыков, 2017: 175].

Образ змеи связан с представлениями об изобретении и обретении дара медлгчи. «По рассказам одной из медлгчи, принимающей в Ики-Бурульском районе, как в роду ее отца, так и в роду ее матери были сильные гелюнги: у отца – в начале века прославился Дорджи Гунзлама, у матери – Маца бакши, служивший в хуруле рода «ики-буурла». С детства девочка иногда входила в измененное состояние сознания. Так, в переходном возрасте – 12 лет – к ней явилась белая змея, которую нужно было задобрить и перед которой следовало помолиться, расстелив белый платок (по поверью, змея сбросит рожки, которые дают особую силу лечения). Но девочку из этого состояния сознания вывела своим зовом бабушка, не видевшая змею. При присутствии духа-покровителя чувствовала медлгчи и затем, пока во сне ей не явился Маца бакши, передавший белый мешочек с наказом лечить заговорами, молитвами и народными средствами («домнх»). Все божества-покровители (а их семь) – буддийские, они помогают лечить (руками и молитвами) и предсказывать будущие события» [Бакаева, 2003: 293].

Мотив змеборства относится к числу архаических сюжетов эпоса. Являясь одним из распространенных мотивов, по мнению В.Я. Проппа, «мотив змеборства возникает вместе с государственностью» [Пропп, 1986: 224]. Рассматривая эволюцию мотива В.Я. Пропп приходит к выводу, что мотив змеборства развился из мотива поглощения, которое первоначально представляло обряд инициации. Проглоченный и извергнутый герой наделялся магическими способностями, но со временем связь с обрядами утрачивается и поглощение не испытывается как благо. С исчезновением смысла поглощения и извержения развивается борьба с поглотителем.

В героическом эпосе «Джангар», в частности в изучаемой песне, хан Джангар в поисках пути вернуться на землю, блуждая, видит гнездо мифической птицы хан Гаруды на берегу широкого океана. В том гнезде сидят три птенца-дочери

хана Гаруды. Джангар видит, что к птенцам, чтобы съесть, подбирается враждебная светлая с белой отметиной на голове змея. Герой разрубает змею на три части и отдает их птенцам хана Гаруды. Спасенные птенцы, боясь гнева матери, спрятали Джангара под своим гнездом. Когда прилетела хан Гаруда и спросила у дочерей, как они уцелели и кто убил змею, то птенцы рассказали о спасителе. В благодарность Гаруда спускает героя на землю [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 204–209].

4.2.4. Мотив превращения героя в плешивого мальчика

После пребывания в верхнем мире Джангар с помощью Гаруды спускается на землю и превращает себя в плешивого мальчика, Зерде скакуна в безгривого рыжего жеребенка-двухлетку.

Мотив превращения героя генетически взаимосвязан с богатырской сказкой. Известный сказочный мотив превращения мотивирован тем, что богатырь не может проникнуть в собственном облике во дворец, являющийся конфликтным локусом. В этом облике герой не только не узнаваем, но и не уязвим.

Мотив превращения героя в паршивца-тарха присутствует в эпическом цикле джангарчи Ээлян Овла, в записи (1908 г.) Номто Очирова в «Песне о том, как в свои восемнадцать лет Хонгор привез в супруги Герензел, дочь Догшин-Цаган-Зула хана – одного из четырех ханов четырех сторон» [Жаңһр, 1978, т. 2: 25–70] и в эпическом репертуаре сказителя Давы Шавалиева «Хонһрин гер авлһн[а бөлг]» («Песнь о женитьбе Хонгора») [Манджиева, 2018: 79–102], которые целиком посвящаются теме женитьбы богатыря Хонгора.

Тема сватовства сказочного героя в «Джангаре» порождает сюжет о походе героя в иной мир, проявляющегося в виде скитания Хонгора, вступления в границы владений Замбал хана, превращения Хонгора в плешивого мальчика (паршивца-тарха), а коня – в плохонького жеребенка. Прибытие Хонгора в обличье плешивого мальчика связано с обрядом инициации, знаменующим переход героя на новую ступень, в данном случае в статус жениха.

В Малодербетовском цикле мотив плешивого героя «неумойки» и «незнайки» взаимосвязан с представлениями о неузнаваемости героя, возвратившегося из страны смерти [Пропп,

1986: 135]. С точки зрения разработки эпического сюжета в целом и реализации темы героического сватовства в особенности использование маски «лысого паршивца» оказывается исключительно продуктивным художественным приемом, позволяющим представить эпическую композицию в виде системы взаимообуславливающих элементов в случае постоянства этой маски [Кичиков, 1992: 219].

Джангар в облике плешивого мальчика преследует две цели: во-первых, быть неузнанным в чужой стране, во-вторых, разведать обстановку и собрать информацию о положении в стране Алтан Гюргю-хана.

Мотив усыновления героя бездетными стариками архаического эпоса, связанный с активным поиском суженой, в героическом преобразуется в поиск.

«Несмотря на «низкое» обличье, многие признаки выдают в нем героя-богатыря – хитрость, смекалка, находчивость, магические способности, исполнительское искусство, которые он намеренно демонстрирует» [Селеева, 2019: 71]. Участие плешивого в играх в альчики и последующий выигрыш открывает герою возможность проникнуть в ханский дворец. В обличии плешивца-тарха Джангар приходит к Алтан Гюргю-хану с жалобой на сыновей старшего и младшего тушимелов. Хан, выслушав две стороны, восстанавливает справедливость и присуждает выигрыш плешивому. Герой по-своему распоряжается с выигранным золотом: шесть телег отдает заступившемуся за него сыну среднего тушимела, а тринадцать – своим старикам.

Приключения героя в маске паршивого развиваются дальше. Как оказалось, из владений Алтан Гюргю-хана в страну могущественного Шара Мангас-хана в год по три тысячи девушек, по три тысячи юношей отправляли. Плешивец-тарха уничтожает посланца Шара Мангаса Онге Цагана борца, разорвав его надвое. Благодарный Алтан Гюргю-хан отдает плешивого в услужение своему сыну Мёнген Герелу. Проходит время, и новый слуга предлагает ханскому сыну отправиться в путешествие, чтобы познать чужие земли, узнать людей. Так, ханский сын Мёнген Герел и Джангар, в обличии паршивого мальчика оказываются в Бумбе.

4.3. Мотив «муж на свадьбе своей жены» («возвращение мужа»)

Мотив «муж на свадьбе своей жены» является одним из распространенных в фольклоре и средневековой литературе европейских народов. В.М. Жирмунский отмечает известность данного сюжета во французской, немецкой, английской, итальянской, испанской, скандинавской, русской и славянской, венгерской, румынской, новогреческой литературе [Жирмунский, 1960: 278].

В русской былинной традиции также встречается этот мотив: в разгар свадебного пира Добрыня возвращается домой. Для него как скомороха находится местечко на печи, однако игрой на гуслих он так покоряет присутствующих, что князь предлагает ему любое место на пиру. Так Добрыня оказывается за пиршественным столом – напротив невесты. Узнавание происходит по обручальному кольцу.

В Малодербетовском цикле «Джангара» властелин эпической Бумбы после длительного отсутствия возвращается домой в облике плешивого мальчика. За время приключений Джангара в верхнем мире его когда-то трехлетняя Шавдал *хатун* постарела, герой видит сидящую на его престоле седую старуху [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 219]. Здесь угадывается возвращение Одиссея к Пенелопе, но присутствующая в «Одиссее» ситуация «муж на свадьбе жены» отсутствует: свою постаревшую Ага Шавдал хатун Джангар видит на своем троне, одинокую, а не в обществе претендентов на ее руку.

Таким образом, Малодербетовский цикл «Джангара» помнит художественно разработанное в далеком прошлом повествование на тему «муж на свадьбе жены», но утратило ее, когда потеряла свою актуальность тема героического сватовства в целом.

5. Восстановление мира.

5.1. Мотив пира

Возвращение хана Джангара и Хонгора явилось восстановлением нарушенного равновесия Бумбы. Конфликт, назревший в завязке песни, разрешился счастливой развязкой: могущественный враг-мангас Кюрюл Эрдени-хан побежден, в бумбайской державе восстанавливается мир.

Мотив пира во дворце Джангара является финальной сценой повествования: «Некогда потерянный [всеми] / Молодой *нойон* Джангар /

По велению времени / На престол свой взошёл.
/ Смерть не познавшая, вечной жизни страна его
была величава, / Зим не знающая, [вечного] лета
страна его была величава, / *Богдо* тридцать пять
вепрей[-богатырей], / Семьдесят два хана, у ко-
торых [подобные океану Бумба] океаны есть, /
С великим *богдо* / Из молока необъезженных
кобылиц / В изобилии готовящейся *арзой* уго-
щаясь, сидели. / Богатырей Бумба страна в спо-
койствии пребывает всегда» [Калмыцкий героиче-
ский эпос..., 2020: 223].

Таким образом, проведенное исследование показало, что мотивы Малодербетовского цикла, являясь частью повествовательной структуры, предстают в виде предикативной конструкции, имеющей свою последовательность, где каждый комплекс мотивов имеет нерасторжимую связь между собой. Так, мотив ультиматума, мотив угона табуна и мотив мировой скорби, представляющие конфликтную ситуацию, повлекли за собой самовыбор богатыря, отправление его в боевой поход, где ему предстояло преодолеть препятствия в пути, совершить героический подвиг, вступив в единоборство с противником, пережить временное поражение, вместе с прибывшими на помощь богатырями победить антагониста, вернуть бумбайский народ и возродить Бумбу, а в заключительной песне – пережить приключения в связи со спасением и возвращением Хонгора из нижнего мира. В соответствии с прологом цикла джангарчи изображает возрожденную Бумбу, символизирующую восстановление эпической гармонии и мира.

IV. Обсуждение. В создании эпического произведения в целом велико значение мотивов как значимых и необходимых единиц фольклорной поэтики. По мнению британского исследователя Дж. Даггана, эпос складывается и передается посредством «мотива и формулы» Дж. Дагган [Duggan, 1973: 67], французский ученый Ж.-П. Мартен [Martin, 1987] рассматривает нарративные мотивы, которые не имеют четкой закреплённости в сюжете. Мотив «трудноуловим и трудноопределим, неясно соотношение его синтагматических и парадигматических ракурсов, морфологической схемы и текстовой реализации, универсальных структур и национально специфических редакций, его корреляций с компонентами модели / картины мира, с одной стороны, и с «общими местами» текста, loci

communes, с другой» [Неклюдов, 2004, 236]. Тем не менее исследователям эпоса приходится продумывать и искать свой подход в трактовке мотива, определении его границ и функций. Модель эпического сюжета, состоящая из устойчивой последовательности элементов применена нами к эпическим песням «Джангара». Анализ песен Малодербетовского цикла показал, что мотивы строятся по единой модели эпического сюжета и включают в себя ряд сюжетообразующих мотивов, имеющих устойчивую последовательность: 1) героическая коллизия; 2) выбор/самовыбор богатыря (отправление в поход); 3) преодоление пути (претерпевание препятствий); 4) героический подвиг; 5) восстановление мира.

V. Заключение. Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что сюжетообразующие мотивы, являясь частью повествовательной структуры, предстают в виде предикативной конструкции, имеющей свою последовательность, где каждый комплекс мотивов имеет нерасторжимую связь между собой. Так, мотив угона, представляющий конфликтную ситуацию, повлек за собой самовыбор богатыря, отправление его в боевой поход, в котором герою предстояло преодолеть препятствия в пути, совершить героический подвиг, вступив в единоборство с противником, потерпеть неудачу и быть плененным в верхнем мире, затем освободиться из плена, вступить в единоборство с ханом-антагонистом и одержать победу, уничтожить змея-поглотителя, с помощью мифической птицы спуститься из верхнего мира, испытать приключения в маске плешивого героя и вернуться в бумбайскую страну. В финале песни в соответствии с прологом цикла джангарчи изображает возрожденную Бумбу, символизирующую восстановление мира и эпическую гармонию.

Список литературы:

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 2. М., 1865-1869. 793 с.

Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 357 с.

Басангова Т.Г. Змея в мифологии калмыков // Новые исследования Тувы. № 2. 2014. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_22/7148-basangova.html (дата обращения: 26.02.2021)

Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 335 с.

Жаңһр. Хальмг баатһрлг дуульвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть) = Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). М.: Наука, ГРВЛ, 1978. Т. 1: 441 с. Т. 2: 417 с.

Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл. М.: АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. 544 с.

Кичиков А.Ш. Героический эпос «Джангар»: сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, 1992. 320 с.

Кичиков А.Ш. Исследование героического эпоса «Джангар»: вопросы исторической поэтики. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 154 с.

Манджиева Б.Б. Хальмг баатһрлг дуульвр «Жаңһр»: Шавалин Даван дуһргин шинжллт болн текстмүд (Калмыцкий героический эпос «Джангар»: исследование и тексты эпического репертуара Давы Шавалиева). Элиста: КалмНИЦ РАН, 2018. 264 с.

Мифы, легенды и предания калмыков. М.: Наука – Вост. лит., 2017. 365 с.

Неклюдов С.Ю. Душа убиваемая и мстящая / Труды по знаковым системам, VII // Ученые записки ТГУ. № 394. Тарту, 1975. С. 65–75.

Неклюдов С.Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.

Селеева Ц.Б. «Героическое сватовство» в синьцзян-ойратской версии «Джангара»: сюжетный состав и композиционная структура // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 65–78.

Убушиева Д.В. Мотивы «тууль-улигера» (архаического эпоса) в героическом эпосе «Джангар» // Новый филологический вестник. 2019. № 1(48). С. 57–69.

Duggan J.J. The Song of Roland: Formulaic Style and Poetic Craft. Berkeley: University of California Press, 1973. 226 p.

Martin J.-P. Les motifs dans la chanson de geste. Définition et utilisation // Cahiers de Civilisation Médiévale, 1987. Pp. 315–329.

References:

Afanas'ev A.N. *Pojeticheskie vozzrenija slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izuchenija slavyanskikh pre-*

danij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov [Poetic views of the Slavs on nature: The experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythical legends of other related peoples]. Volume 2. Moscow, 1865–1869. 793 p. (In Russian).

Bakaeva E.P. *Dobuddijskie verovanja kalmykov* [Pre-Buddhist Beliefs of Kalmyks]. Elista: Dzhangar Publ., 2003. 357 p. (In Russian).

Basangova T.G. Zmeja v mifologii kalmykov [Snake in Kalmyk mythology]. *Novye issledovanija Tuvy* [New research of Tuva]. № 2. 2014. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_22/7148-basangova.html (date of appeal: 26.02.2021) (In Russian).

Duggan J. J. *The Song of Roland: Formulaic Style and Poetic Craft*. Berkeley: University of California Press, 1973. 226 p. (In English).

Kalmyckij geroicheskij jepos «Dzhangar»: *Maloderbetovskij cikl* [Kalmyk heroic epic “Dzhangar”: Maloderbetovsky cycle]. Moscow: The first exemplary publ., Filial “Chekhov Publ.”, 2020. 544 p. (In Russian).

Kichikov A.Sh. *Geroicheskij jepos “Dzhangar”*: *sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamjatnika* [The heroic epic “Dzhangar”: a comparative typological study of the monument]. Moscow: Science Publ., 1992. 320 p. (In Russian).

Kichikov A.Sh. *Issledovanie geroicheskogo jeposa «Dzhangar»*: *voprosy istoricheskoy pojetiki* [Study of the heroic epic “Dzhangar”: questions of historical poetics]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 154 p. (In Russian).

Mandzhieva B.B. *Hal'mg baatrlg duulvr «Жаңһр»*: *Shavalin Davan duhrgin shinjllt boln tekstmyd* (=Kalmyckij geroicheskij jepos «Dzhangar»: *issledovanie i teksty jepicheskogo repertuara Davy Shavalieva*) [Kalmyk heroic epic “Dzhangar”: research and texts of the epic repertoire of Dava Shavaliyev]. Elista: Kalmyk Scientific Center RAS Publ., 2018. 264 p. (In Russian).

Martin J.-P. *Les motifs dans la chanson de geste. Définition et utilisation*. Cahiers de Civilisation Médiévale, 1987. Pp. 315–329. (In French).

Mify, legendy i predaniya kalmykov [Myths, legends and traditions of the Kalmyks]. Moscow: Science – Oriental Literature Publ., 2017. 365 p. (In Russian).

Nekljudov S.Ju. Dusha ubivaemaja i mstjashhaja. *Trudy po znakovym sistemam, VII* [Soul slain and revenge. Sign Systems Studies, VII]. *Uchenye zapiski Tomskogo universiteta* [Scientific notes of Tomsk University]. № 394. Tartu, 1975. Pp. 65–75. (In Russian).

Nekljudov S.Ju. *Fol'klornyj landshaft Mongolii. Jepos knizhnyj i ustnyj* [Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic]. Moscow: Indrik Publ., 2019. 592 p. (In Russian).

Propp V.Ja. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad:

Leningrad State University Publ., 1986. 365 p. (In Russian).

Seleeva C.B. "Geroicheskoe svatovstvo" v sin'czjan-ojratskoj versii "Dzhangara": sjuzhetnyj sostav i kompozicionnaja struktura ["Heroic matchmaking" in the Xinjiang Oirat version of "Jangar": plot composition and compositional structure]. *Novyj filologičeskij vestnik* [New philological bulletin]. 2019. № 2(49). Pp. 65–78. (In Russian).

Ubushieva D.V. Motivy "tuul'-uligera" (arhaičeskogo jeposa) v geroičeskom jepose "Dzhangar" [Motives of "tuul-uliger" (archaic epic) in the heroic

epic "Dzhangar"]. *Novyj filologičeskij vestnik* [New philological bulletin]. 2019. № 1(48). Pp. 57–69. (In Russian).

Zhirmunskij V.M. *Skazanie ob Alpamyše i bogatyr-skaja skazka* [The Legend of Alpamysh and the Heroic Tale]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1960. 335 p. (In Russian).

Жаһһр: *Hal'mg baat'rl'g duul'vr (25 bəlgin tekst: 1–2 bot') = Dzhangar. Kalmyckij geroičeskij jepos (teksty 25 pesen)* [Dzhangar. Kalmyk heroic epic (texts of 25 songs)]. Moscow: Science, 1978. Volume 1. 441 p. Volume 2. 417 p. (In Russian).

B.B. Mandzhieva

Epic Motifs of Maloderbet's Cycle of the Epos "Dzhangar"

Scientific novelty. The motives of Maloderbet's cycle of the epos "Dzhangar" are for the first time considered as one of the components of the epic plot, built according to a single model: 1) heroic collision; 2) selection / self-selection of a hero (departure for a hike); 3) overcoming the path (enduring obstacles); 4) heroic deed; 5) restoring peace. *The aims.* The article examines the plot-forming motives of the song "Kurl Erdn maḡhs haag bogd Zhaḡhr dərətsəlgsn bəlḡ" ('The song about how bogdo Jangar khan of the mangasses Kyurul Erdeni conquered') of Maloderbetov's cycle "Dzhangara" in order to identify the sequence and analysis of the motive of their narrative units. *Research methods.* When analyzing epic motives, comparative, comparative-comparative methods are used. *Results.* As a result of our research, we came to the conclusion that plot-forming motives, being part of the narrative structure, appear in the form of a predicative structure, which has its own sequence, where each complex of motives has an indissoluble connection with each other. So, the motive for stealing the herd, representing a conflict situation, entailed the self-selection of a hero, sending him on a military campaign in which the hero had to overcome obstacles on the way, perform a heroic feat, having entered into single combat with the enemy, fail and be captured in the upper world, enter in single combat with the antagonist khan and win the victory, destroy the snake-devouring, with the help of the mythical bird descend from the upper world, experience adventures in the mask of a bald hero and return to the Bumbai country.

Keywords: epos "Dzhangar", Maloderbetovsky cycle, song, motive, hero, bogatyr, mangas, upper world